

Старик потрепал меня по плечу и пошел вытаскивать тело из-под машины. Я смотрел, как он брезгливо отпихивает его в сторону, и поднялся, пошатываясь. Как только встал ровно, правую ногу прострелила острая боль. Я охнул, и старик удивленно глянул на меня. Подняв пистолет, я посмотрел на небо. Большая часть дня уже прошла, но до заката еще далеко. Качнул головой и сказал старику:

— Надо торопиться.

Тот кивнул, и мы сели перекусить. Я набил рот крекерами и запил водой. Предложил и старому, но тот отказался. Еще раз его поблагодарил. Если бы не он, я был бы мертв.

Мы посидели еще минут пять и поползли дальше. Усталость и холод давали о себе знать. После долгого движения доползли до таблички улицы Гванак. Мы были на перекрестке на пути к университету. Улица значительно расширилась. Я огляделся по сторонам и дал знак старику выползть.

Машин здесь тоже было много, но похоже, что часть их была сдвинута в сторону, образуя этакую дорогу, ведущую к университету. Я сглотнул, глядя на это зрелище. У меня было ощущение, что я пришел, куда нужно. Мы присели за машиной, оглядываясь. Вокруг никого. Старый сказал:

— Эта дорога ведет прямо к главным воротам универа.

Я устало потер лицо и спросил:

— Думаешь, они их блокируют?

Он кивнул, думаю, это был слишком очевидный вопрос. Я закашлялся, а старик тихо ответил:

— Сам все увидишь.

Он поднялся и медленно пошел по тротуару. Я за ним. Мы пересекли перекресток, прошли еще чуть дальше, и вдалеке показались главные ворота. От увиденного у меня рот открылся.

Площадь вокруг была забита автомобилями и усеяна телами. А у главных ворот выстроилась баррикада из автобусов. Они стыковались так близко друг к другу, что мышь не проскочит.

Окружающий пейзаж также был мрачным. Деревья, некогда украшавшие ландшафт, срублены, а окна автобусов залиты засохшей кровью. Старик сказал мне сесть. Когда я выразил свое сомнение, он молча взял меня за плечо и сильно надавил, и я без сил упал на землю. Старик тоже присел рядом и зашептал с окаменевшим лицом.

— Посмотри на окна автобусов и на крышу.

Мы засели достаточно далеко, и я напряг зрение, стараясь рассмотреть, о чем он говорит. В автобусах мелькали тени, человеческие. А в одном окне приоткрыто, и торчит что-то. Явно пистолет или автомат. Я повернулся к старику, и тот снова кивнул туда.

— Смотри на тела.

Я обернулся и увидел обочину, полную трупов. По спине пробежали мурашки. Я думал сначала, что это твари, но это не так. Это люди. Тел очень много. Вот женщина лежит с открытыми стеклянными глазами, а чуть дальше мертвая бабушка, сжимающая в окоченевших пальцах сверточек. А рядом с ней мальчик-подросток в школьной форме. Его лицо трудно разглядеть. Их смерть была ужасной. Какие-то трупы занесло снегом, но были и еще свежие.

— Как видишь, они не спасатели.

Слова старика пронзили, как нож в сердце. Сначала я сомневался и злился только за то, что они забрали Че Ён, и я винил себя в том, что ничего не делаю. Меня вырвало. И одновременно появилась жгучая ненависть. Из-за них я потерял Че Ён.

Я испытывал беспокойство, ожидая найти среди тел девочку. Свирепо пополз вперед. Я их порву, убью. Но тут меня схватили за руку. Старый сказал холодно и решительно:

— Солнце садится. Давай-ка ночлег поищем.

Я сердито отдернул руку. Че Ён, может, лежит где-то здесь, а он про отдых думает? Я впервые разозлился на него, но старик дернул меня за рукав и прошипел:

— Уверяю тебя, девочки здесь нет.

"Откуда ты знаешь", хотелось крикнуть мне. Но слова застряли в горле, когда я столкнулся с его печальным взглядом. Попытался усмирить гнев и верить, что Че Ён еще жива. Увидев, что я уже успокоился, старый сказал слегка дрожащим голосом:

— Когда я впервые пришел сюда, то также подумал. Мол, если внучка лежит здесь, хотя бы тело заберу.

Услышав эти слова, я зарыдал, прикусив рукав куртки. Я был зол, но вместе с тем почувствовал облегчение. Старик хлопнул меня по плечу и сказал, глядя в небо:

— У нас лишь одна попытка.

Я отчаянно кивнул. Он помог мне подняться и повел за собой. Мы ушли оттуда, обратно к перекрестку. Нашли небольшой минивен, относительно целый, и залезли в него. Старый прав, что удержал меня. Если бы я туда пополз, меня бы точно пристрелили. Мы отдохнем, а потом пойдем спасать наших родных.

Старик отточенным движением достал из своей сумки газеты, смочил водой и заклеил окна. Затем отодвинул и опустил сиденье водителя и лег, закутавшись одеялом.

Солнце село окончательно, и температура стала падать. Старый, кажется, уснул, а я продолжал тупо смотреть в заклеенное газетой окно. Затем с головой накрылся одеялом, включил фонарик и стал писать дневник.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4852816>